

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Селимов Мазай Гаджимагомедович

**ОБРАЗЫ ИДЕАЛЬНЫХ ЖЕНЩИН В ТВОРЧЕСТВЕ ТАНИДЗАКИ
ДЗЮНЪИТИРО 1910-х–1930-х гг.: ДИНАМИКА ИДЕЙНО-
ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ПИСАТЕЛЯ**

Специальность 5.9.2 – «Литература народов мира»
(литература Японии)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2023

Работа выполнена в Отделе литератур стран Азии и Африки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук»

Научный руководитель: **Дьяконова Елена Михайловна**
кандидат филологических наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», Институт классического Востока и античности, профессор; ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук», ведущий научный сотрудник.

Официальные оппоненты: **Скворцова Елена Львовна**
доктор философских наук, ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук», Отдел сравнительного культуроведения, ведущий научный сотрудник.

Хронопуло Лиала Юрьевна
кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра японоведения Восточного факультета, доцент.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Институт стран Азии и Африки.

Защита диссертации состоится «13» июня 2023 г. в 15:00 ч. на заседании диссертационного совета 24.1.080.02 по филологическим наукам при ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, Конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук»: www.imli.ru > Наука > Диссертационные советы > 24.1.080.02 > Защиты

Автореферат разослан « _____ » _____ 2023 г.

И. о. ученого секретаря
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Голубков Андрей Васильевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация посвящена изучению динамики идейно-эстетических взглядов одного из крупнейших японских писателей XX в. Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965) сквозь призму образов идеальных женщин в произведениях литератора. Творчество Танидзаки, его заинтересованность цивилизационными моделями, западной и восточной эстетикой, немецкой философией и психиатрией (превратно понятыми писателем), его социальные воззрения, поиск собственной идентичности и попытки повлиять на японское общество первой трети XX в. рассматриваются системно, комплексно и в контексте основных исторических событий, характеризующих литературную ситуацию в Японии первой трети XX в. Утопические идеи японцев о том, что взаимодействие с продуктами западной культуры приведёт к ментальной и физической трансформации японской нации в европейскую получили отражение в том числе и в словесности.

В образах идеальных женщин Танидзаки Дзюнъитиро представлена проблематика, которая волновала все японское общество. Динамика эстетических взглядов Танидзаки отражает сложные искания времени, в которое ему пришлось жить. Это и вопрос о телесном облике обитателей островного государства – первоначальное желание японцев преобразиться, стать европейцами, впоследствии, в том числе из-за дискриминации и ксенофобии со стороны западного человека, сменилось на националистическую риторику: вернуться к корням, сохранить национальные представления о прекрасном. И поиск собственной идентичности в новом мире. Каждое произведение писателя – это «манифест». Женские образы отражают авторское видение переустройства общества – разрушение конфуцианской морали в ранних сочинениях, возвращение к корням собственной культуры в поздних, когда в Японии наблюдается рост националистических настроений. В женских ликах проявляется позиция писателя в решении животрепещущих проблем времени. **Актуальность исследования** заключается в том, что в настоящее время наблюдается возросший интерес к гендерным исследованиям, изучению женских образов в литературе и культуре, поскольку эта проблема имеет мировоззренческое значение – в японской культуре женщина наделена особой миссией. Данное исследование обусловлено недостаточной изученностью специфики художественного мира Танидзаки Дзюнъитиро, оно позволит толковать и формализовать концепцию женственности писателя, а также прояснит авторскую концепцию «телесности» как категории.

Степень изученности проблемы и темы. Несмотря на то, что образы идеальных женщин в творчестве Танидзаки выполняют сложную символическую функцию, отражая как динамику идейно-эстетических

воззрений писателя (наиболее отчетливо это проявляется в сочинениях 1920-х – 1930-х гг.) в новом мире, так и «покушение» на старую мораль, вкупе с поисками собственной идентичности, и попытками проанализировать характеристики заново сформировавшейся под непосредственным европейским влиянием японской нации, – эти женские образы еще не изучались комплексно ни в отечественной, ни в западной японоведческой науке. Так, образы женщин в творчестве писателя рассматривались исследователями (К.Г. Саниной, И.Л. Львовой, К. Ито, Г. Голлей и др.) как возникшие под влиянием европейского неоромантизма, в частности О. Уайльда. Исследователи видели в Танидзаки исключительно неоромантика, чье творчество неразрывно связано с художественной концепцией О. Уайльда «искусства ради искусства». Востоковед Т. П. Григорьева также говорила о влиянии представителей западного неоромантизма на Танидзаки¹. Однако ученые ориентировались исключительно на избранные произведения писателя, игнорируя раннее творчество Танидзаки начала 1900-х гг. (в котором писатель откровенно заявлял о стремлении обрушиться на старую мораль, уничтожить ее), что делает эти исследования не вполне всеобъемлющими. Литературоведы также обходили стороной знаковые произведения писателя начала 1920-х и 1930-х гг.

Сочинения Танидзаки середины 1910-х – начала 1920-х гг. были неразрывно связаны с кинематографом. Он активно участвовал в дискуссиях о роли кино в обществе, писал киносценарии, пытался привить японским женщинам мысль о том, что путем смены туалета (японского костюма на европейский), а также места обитания они могут преобразиться не только внешне, но и ментально, стать европейками. Однако в конце 1920-х гг. когда в Японии наблюдается рост националистических, шовинистических настроений, усталость от комплекса неполноценности по отношению к Западу, писатель обращается к востребованному новым временем образу «верной жены и мудрой матери», который конструируется под непосредственным влиянием неоконфуцианской мысли периода Токугава (徳川時代, 1603–1868), о чем сообщает в знаковом эссе «Любовь и сладострастие». Соответственно, восприятие комплексных женских образов отечественными и западными литературоведами является исключительно фрагментарным.

Без опоры на источники и детального текстологического анализа влияния на творчество Танидзаки поэтики Э. А. По и Ш. Бодлера пишет

¹ Григорьева Т.П. О методе сравнительного изучения восточных и западных литератур (на примере японской литературы) // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: сборник статей к шестидесятилетию д-ра филол. наук, проф. Л.З. Эйдлина / Ответ. ред. И.С. Лисевич и О.Л. Фишман. – М.: Наука, 1970. – С. 184–195.

А. М. Троян². Подчеркну, что лики роковых, жестоких, «демонических» женщин в сочинениях писателя, корни которых исследователи ищут в творчестве западных неоромантиков и символистов, возникали как образы женщин-садисток под влиянием работ психиатров Р. фон Крафт-Эбинга и О. Вейнингера, о чем говорит не только писатель, но и само его амплуа болезненного эстета, сформировавшееся благодаря распространению новомодной среди японских литераторов начала XX в. болезни «синкэй суйдзяку» (神經衰弱, нервное истощение). В это время гениальность напрямую связывали с психическими патологиями, дарующими их обладателям особое чутье, некий талант, никак не связанный с образованием.

Исследователь творчества литератора П. Маккарти сравнивал трансформацию героинь Танидзаки и В.В. Набокова³, противопоставлял женские образы в произведениях Ш. Бодлера и Танидзаки: «Марии и блудницы». Он обращается к женским персонажам, которые прямо сравниваются в текстах писателя с бодхисатвами, и к метафоре блестящего японского писателя Юкио Мисимы (三島由紀夫, 1925–1970) в его эссе о Танидзаки. Мисима анализирует женщин Танидзаки на примере двух контрастных образов: сострадательная мать (*дзибо*) и демоническая богиня-мать (*кисимондзин*).

Даниэль Реста, изучая адаптацию романа Танидзаки «Свастика» (1928–1930) в кинематографе, также касается женских образов в этом произведении. Лилиана Кавани⁴ в статье «Транскультурная визуализация Танидзаки: свастика в “Берлинском романе”» делает попытку проанализировать роман, который построен как исповедальный монолог главной героини, однако ограничивается пересказом.

Образы женщин в творчестве Танидзаки также рассматриваются с точки зрения феминистской литературной критики⁵. Исследователи указывают на то, что писатель именовал себя «феминистом» в мемуарах «Детские годы» (*幼少時代*, 1957), однако не учитывают того, что Танидзаки не был «феминистом» в привычном понимании этого слова, т.е. тем, кто отстаивает равные права для женщин. Контекст сообщает, что писатель подразумевал под этим термином

² Троян А.М. Женские образы в романе Д. Танидзаки «Мелкий снег» // Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции / Ред. Е.С. Бойко. – Новосибирск: ИЦРОН, 2018. – С. 17.

³ McCarthy P. Tanizaki's Naomi and Nabokov's Lolita: A Comparative Essay // The Grand Old Man and the Great Tradition: Essays on Tanizaki Jun'ichiro in Honor of Adriana Boscaro / Ed. by L. Bienati and B. Ruperti. – Michigan: Center for Japanese Studies, The University of Michigan, 2009. – P. 131–144.

⁴ Resta D. Transculturally Visualizing Tanizaki: Manji in Liliana Cavani's *Interno Berlinese* // *Bunron*. – 2017. – P. 87–105.

⁵ Long M. This perversion called love: reading Tanizaki, feminist theory, and Freud / M. Long. – Stanford: Stanford University Press, – 2009. – xvi, 200 p.

любовь и влечение к женщинам, желание подчиняться им. Также выявляется непонимание исторической ситуации.

Важное значение для данного диссертационного исследования имеют труды крупнейшего отечественного японоведа А.Н. Мещерякова, выдающихся американских литературоведов Томаса Ламарра и Дональда Кина, а также виднейшего японского исследователя творчества Танидзаки Тиба Сюдзи.

А.Н. Мещеряков, обращаясь к «женскому вопросу» в своих исследованиях, анализирует, как менялись представления о женской красоте в Японии в эпоху перехода от традиционного общества к современному. Ученый впервые выявляет, что динамика эстетических взглядов Танидзаки отражает идейные искания времени. А.Н. Мещеряков также рассматривает широкий круг вопросов, связанных с телесной культурой, им введены в научный оборот эссе «Любовь и сладострастие» и др. значимые сочинения писателя⁶.

Томас Ламарр прибегает к биографическому методу в исследовании творчества Танидзаки, акцентируя внимание на писателе как на модернисте, на его прочной связи с кинематографом⁷. В качестве подспорья к анализу роли женщин в жизни Танидзаки им был выбран труд Д. Кина⁸, основанный на личном знакомстве этого литературоведа с писателем, а также интервью, которое Д. Кин взял у Танидзаки в 1953 г.

Одним из столпов, на который опирается настоящее исследование, является монография Тибы Сюдзи⁹. В 2020 г. исследователь представил новый взгляд на жизнь и творчество писателя, впервые рассмотрев сочинения Танидзаки сквозь влияние на них трудов японских психиатров, находившихся под непосредственным влиянием немецкой науки.

Основными источниками данного диссертационного исследования стали художественные произведения, эссе, эпистолярное наследие и воспоминания Танидзаки, анализ которых позволяет проследить эволюцию эстетических и идейных исканий писателя. Для анализа социально-исторической ситуации на рубеже эпох и до 1930-х гг. привлечены сочинения видных представителей интеллектуальной элиты того времени, а также литературоведческие, исторические, культурологические, философские и др. исследования крупных отечественных, западных и японских ученых.

⁶ Мещеряков А.Н. Статья японцем / А.Н. Мещеряков. – М.: Эксмо, 2012. – 431 с.; Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония / А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2012. – 736 с.; Мещеряков А.Н. Японские поиски женской красоты // Вестник культурологии. – 2017. – Вып. 42. – С. 129–142. и др. труды.

⁷ LaMarre T. Shadows on the Screen. Tanizaki Jun'ichirō on Cinema & “Oriental” Aesthetics / T. LaMarre. – Michigan: Michigan Center for Japanese Studies the University of Michigan, 2005. – xiv, 408 p.

⁸ Keene D. Five Modern Japanese Novelists / D. Keene. – NY.: Columbia University Press, 2003. – xii, 113 p.

⁹ 千葉俊二. 谷崎潤一郎性欲と文学 (Тиба Сюдзи. Сексуальные фантазии и литература Танидзаки Дзюньитиро). – Токио: Изд-во Сюэйся, 2020. Kindle Edition. – 3358 Loc.

Несмотря на изученность многих аспектов творчества Танидзаки, оно требует глубокого переосмысления, в виду того, что отечественное литературоведение долгое время игнорировало огромное количество его сочинений, сосредоточившись лишь на крупницах, из которых невозможно было сложить полноценную картину. Поиск идеальной женщины – главный мотив всего творчества писателя. Причем изучая его героинь, недостаточно возводить их генезис исключительно к сочинениям Нагаи Кафу, О. Уайльда или Ш. Бодлера и др. Наблюдая эволюцию этих женских образов, важно понять, как трансформировались эстетические и идейные воззрения писателя, под влиянием каких внешних и внутренних факторов это происходило, как действительность влияла на автора, и как автор влиял на действительность. Его творчество сообщает как о переосмыслении роли женщины в культуре и искусстве (в частности, когда в конце 1910-х гг. в Японии под влиянием голливудского кинематографа и европейской моды началась трансформация женского образа, происходило становление нового видения мира), так и о возрождении лика традиционной женщины в конце 1920-х гг., когда вся японская культура начала отходить от Запада, возвращаться к корням.

В связи с этим, **объектом** диссертационного исследования является творчество Танидзаки Дзюньитиро конца 1910-х – начала 1930-х гг.

Предметом исследования выступают образы идеальных женщин в творчестве Танидзаки конца 1910-х – начала 1930-х гг.

Основным **материалом** для исследования послужили сочинения Танидзаки: эссе «Словесность и морализм» (文藝と道徳主義, 1904), «Настоящее и будущее кино» (活動写真の現在と将来, 1917), «Любовь и сладострастие», «В думах о Токио» (東京をおもう, 1934), «Похвала тени» (陰翳礼讃, 1934), художественные произведения «Татуировка» (刺青, 1910), «Секрет» (秘密, 1911), «Дети» (少年, 1911), «До тех пор, пока меня не бросят» (捨てられる迄, 1914), «Дзётаро» (饒太郎, 1914), «Скорбь русалки» (人魚の嘆き, 1917), «Ножки Фумико» (富美子の足, 1919), «Голубой цветок» (青い花, 1921), «Аве Мария» (アヴェ・マリア, 1922), «Жители портового города» (港の人々, 1923), «Любовь глупца» (痴人の愛, 1924–1925), «Истории Томоды и Мацунаги» (友田と松永の話, 1926), «О вкусах не спорят» (蓼食ふ蟲, 1928–1929), «Свастика» (卍, 1928–1930), «История Сюнкин» (春琴抄, 1933), «Плавающий мост грёз» (夢の浮橋, 1959), «Дневник безумного старика» (瘋癲老人日記, 1961), мемуары «Детские годы», а также эпистолярное наследие.

Ограничения, накладываемые на решение задачи. В теоретической части при изложении методов исследования акцент будет сделан на культурно-

историческом подходе как основном, существенном для изучения женских образов в японской словесности. Творческое наследие писателя насчитывает более тридцати томов сочинений, которые невозможно объять в рамках одного исследования. Соответственно, автор научной работы не претендует на полноту и исчерпанность, выделяет основные хронологические рамки (1917 – начало 1930-х гг.), в пределах которых рассматривает эволюцию идейных и эстетических воззрений писателя – переход от модернизма к традиционализму – на примере созданных им образов идеальных женщин. Подчеркну, что в конце 1930-х – 1940-х гг. Танидзаки развивает женскую тему в романе «Мелкий снег» и др. сочинениях. Однако поздние произведения писателя требуют отдельного исследования, которым автор настоящей работы планирует заняться в будущем. Отмечу и то, что проблемы особенностей языка и художественного стиля Танидзаки изложены в диссертационных исследованиях Е.Л. Катасоновой, К. Меркен, трудах К. Рехо, Т. ЛаМарра и др., поэтому в рамках данного исследования этот аспект будет затронут лишь косвенно.

Цель исследования состоит в выявлении динамики эстетико-идеологических взглядов Танидзаки через образы идеальных женщин в творчестве писателя.

Соответственно, этим определяются следующие **задачи**:

1. выявить специфику развития японской культуры первой трети XX в. и условий, в которых происходит осмысление образа женщины писателем Танидзаки;

2. проанализировать понятие «образ женщины» в творчестве Танидзаки и представить воплощение в сочинениях писателя его основных аспектов – культурно-исторического, социокультурного, эстетического и гендерного;

3. установить внешние и внутренние факторы, влиявшие на идейно-эстетические воззрения Танидзаки, от которых зависел вектор развития творческой мысли писателя;

4. на основе знаковых сочинений Танидзаки выявить и охарактеризовать роль женского образа в миропонимании писателя и в японской культуре;

5. проследить динамику эволюции женских образов в творчестве Танидзаки 1920–1930-х гг.;

6. проанализировать влияние творчества Танидзаки на действительность и *vice versa* – действительности на писателя.

Теоретическая и методологическая база исследования определяется поставленными целью и задачами. Как отмечалось ранее, центральное положение занимает **культурно-исторический подход**, предполагающий рассмотрение образов идеальных женщин в творчестве Танидзаки в историческом контексте, в свете крупных исторических событий в Японии

второй половины 1910–1930-х гг. Основой послужили труды А.Н. Мещерякова, в которых содержится глубокий анализ культурно-исторической, социально-исторической ситуации в Японии XIX–XX вв., происходит раскрытие темы телесной культуры, исследуются философско-эстетические искания, ставится «женский вопрос», рассматривается мучительный поиск собственной идентичности японской нации¹⁰. Исследования и сочинения западных и японских ученых, посвященных культуре и литературе «катастрофы» и «поворота», когда вся японская нация начала переосмысливать собственные взгляды на мир: И. Джоан¹¹, С. Цуруми¹², С. Хонды¹³, Х. Лай¹⁴, Д. Дорсей¹⁵, Ч. Шенкинга¹⁶, С. Хагивары¹⁷. Труды Х. Ханса¹⁸ и Б.В. Поспелова¹⁹ и др., посвященные осмыслению национализма. Работы современных ученых и японских мыслителей XIX–XX вв., в которых ставится вопрос о роли и месте женщины в японском обществе, осмысливается образ женщины в культуре, Ф. Юкити²⁰, С. Ацуси²¹, Ю.М. Лотмана²², О.В. Рябова²³, А.Г. Сторожука²⁴,

¹⁰ Мещеряков А.Н. Страна Япония: быть японцем / А.Н. Мещеряков. – М.: Лингвистика; СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. – 536 с.; Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония / А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2012. – 736 с.; Мещеряков А.Н. Статья японцем / А.Н. Мещеряков. – М.: Эксмо, 2012. – 431 с.; Мещеряков А.Н. Самая красивая: природа Японии в интерпретации Сига Сигэтака // История и современность. – 2012. – №1. – С.111–137; Мещеряков А.Н. Япония и Россия в эпоху трансформаций. К 150-летию революции Мэйдзи и 100-летию русской революции // Ежегодник Японии. – 2018. – Т.47. – С. 350–366 и др. труды.

¹¹ Abel J. Redacted: The Archives of Censorship in Transwar Japan / J. Abel. – Berkeley: University of California Press, 2012. – xi, 355 p.

¹² Tsurumi S. An Intellectual History of Wartime Japan: 1931–1945 / S. Tsurumi. – NY.: Routledge, 2010. – 138 p.

¹³ 本多秋五. 転向文学と私小説. 転向文学論 (Хонда Сюго. Литература поворота и эго-роман. Теория литературы поворота). – Токио: Изд-во Мирайся, 1985. – 298 с.

¹⁴ Lai H. Traveling Abroad, Writing Nationalism, and Performing in Disguise: People on the Japanese Colonial Boundaries, 1901–1943 / H. Lai. – Doctor of Philosophy Thesis. – Philadelphia, 2016. – 209 p.

¹⁵ Dorsey J. From Ideological Literature to a Literature Ideology: “Conversion” in Wartime Japan // Converting Cultures. Religion, Ideology and Transformations of Modernity / Ed. by D. Washburn, K. Reinhart. – Netherlands: Brill Academic Publisher, 2007. – Vol. 14. – P. 465–483.

¹⁶ Schencking C. The great Kanto Earthquake and the Culture of Catastrophe and Reconstruction in 1920s Japan // The Journal of Japanese Studies. – 2008. – Vol. 34. – No.2. – P. 295–331.

¹⁷ 萩原朔太郎. 日本への回帰 (Хагивара Сакутаро. Возвращение в Японию). – Токио: Изд-во Хакисуейся, 1938. – 333 с.

¹⁸ Ханс К. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / ред. и сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. – М.: Новое изд-во, 2010. – С. 17–61.

¹⁹ Поспелов Б.В. Современный этап эволюции буржуазного национализма в Японии // «Дух Ямато» в прошлом и настоящем / отв. ред. Л.Д. Гришелева, И.А. Латышев. – М.: Наука, 1989. – С. 7–26.

²⁰ 福沢諭吉. 学問のすすめ (Фукудзава Юкити. Призыв к знаниям). – Токио: Изд-во Аодзора бунко, 2012. Kindle Edition. – 2152 Loc.; 福沢諭吉. 新女大学. (Фукудзава Юкити. Новое великое поучение для женщины). [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/aozorabunko_43064/mode/2up. (дата обращения: 21.03.2021); Fukuzawa Y. Fukuzawa Yukichi on Japanese women: Selected works / Transl. a. ed. by Eiichi Kiyooka. – Tokyo: University of Tokyo Press, 1988. – xv, 254 p.

²¹ Atushi S. Nationalism and feminism in Yukichi Fukuzawa, the most influential leader of enlightenment in modern Japan // History of European Ideas. – 1992. – Vol. 15. – No. 4-6. – P. 687–693.

²² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2008. – 412 с.

²³ Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX вв.) / О.В. Рябов. – Иваново: Юнона, 1999. – 359 с.

²⁴ Сторожук А. Г. История Сюань-цзуна и Ян Гуй-фэй в танской литературе: выбор между долгом правителя и личным счастьем // Вестник СПбГУ. – 2010. – Сер. 13. – № 2. – С. 168–173.

Р. Ванга²⁵, Д. Лебры²⁶, К.С. Воркиной²⁷, Р. Хатчинсона²⁸ и др. А также трактаты неоконфуцианского ученого XVIII в. Кайбары Экикэна (貝原益軒, 1630–1714), повлиявшие на японское общество в целом и на развитие творческой мысли Танидзаки, вкупе с исследованием трудов Кайбары, принадлежащим перу американского философа и востоковеда М. Такер.

В исследовании также задействованы **биографический** и **аналитический** методы, которые помогают проследить появление в творчестве Танидзаки того или иного женского образа, несущего на себе печать событий из жизни писателя, что позволяет определить произведение как, например, автобиографическое. **Герменевтический** подход, необходимый для рассмотрения художественных образов как части культурного контекста, их толкования и интерпретации, выявления самых разных смыслов, в том числе скрытых. Применение **аксиологического** метода необходимо для анализа ценностей японской культуры (изучении ценности образа женщины в культуре) первой трети XX в. **Гендерный** подход использован для изучения образов идеальных женщин в творчестве писателя сквозь призму социокультурных трансформаций, происходивших в японском обществе в 1920–1930-х гг.: первоначальное желание японских женщин походить на европейских привело к комплексу телесной неполноценности. Танидзаки удалось найти для них такие физиологические параметры, которые позволяли японским женщинам переживать свою телесность в позитивном ключе. **Историко-функциональный** метод, позволяющий рассматривать тексты писателя в литературном, культурном и общественно-политическом контексте.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что впервые предпринимается попытка комплексного анализа идейно-эстетических взглядов Танидзаки сквозь призму образов идеальных женщин в творчестве писателя с привлечением ранее не переведенных на русский язык сочинений литератора. Уточняется понятие «женского образа» в его творчестве, дается характеристика историко-культурного, социокультурного, эстетического и гендерного аспектов его понимания. Выявляется специфика японской культуры первой трети XX в., в рамках которой формировалось и развивалось творческое сознание Танидзаки. Отмечаются внешние и внутренние источники, повлиявшие на формирование образов идеальных женщин в творчестве Танидзаки, продемонстрированы их связи с европейской психиатрией,

²⁵ Wang R. Images of Women in Chinese Thought and Culture: writings from the pre-Qin period through the Song dynasty / R. Wang. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003. – 480 p.

²⁶ Lebra J. Women in Changing Japan / J. Lebra. – Stanford: Stanford University Press, 1978. – 322 p.

²⁷ Воркина К.С. Японская семья как феномен культуры / К.С. Воркина. – Дисс. ... канд. культурологии. – М., 2019. – 168 с.

²⁸ Hutchinson R. Nagai Kafu's Feminist Perspective // Routledge Handbook of Modern Japanese Literature / Ed. by R. Hutchinson and L.D. Morton. – NY.: Routledge, 2016. – 354 p.

голливудским кинематографом и трудами неоконфуцианского мыслителя Кайбары. На основе текстов Танидзаки – как художественных, так и эссеистических – удастся получить понимание сущности и роли женского образа в японской культуре XX в. В настоящее время происходит актуализация этнических особенностей, национального самосознания, характера и литератур, поэтому достаточно широкий историко-культурный контекст позволит предложить современным исследователям и читателям более объективную оценку творчества Танидзаки.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сочинения Танидзаки – это серия «манифестов», направленных в начале его литературной карьеры на разрушение конфуцианской морали, провоцирование и эпатирование общества с целью глумления над ним – создаются образы маргинальных японских женщин, не вписывающихся в традиционные представления; позднее – на переосмысление роли и образа женщины в современном писателю обществе в начале 1920-х гг.; и, наконец, на констатацию различий между эстетическими установками Запада и Востока, целью которой было избавление японских женщин от комплекса телесной неполноценности в конце 1920-х гг.

2. Образ идеальной женщины в творчестве писателя является средством выражения авторской позиции, отношения к проблемам, с которыми японское общество столкнулось в первой трети XX в.

3. Лик японской женщины первой половины 1920-х гг. был вдохновлен городской средой Йокогамы, города – ретранслятора западной культуры в Японии. Работа в известной кинокомпании, роман с актрисой привели к попыткам трансформировать традиционную японскую женщину в женщину нового времени. Танидзаки предвосхитил появление на японской сцене «*модан га:ру*». В произведениях периода «Йокогама» (1920–1926) писатель культивирует новый женский тип. В них Запад представляется источником женственности, а западные атрибуты – способными изменить не только телесную оболочку японки, но и ее ментальность. Произведения этого периода являются результатом исследования «новых женщин» писателем в его поиске телесного совершенства.

4. В конце 1920-х гг. Танидзаки влился в общий поток «возврата к корням» национальной культуры, пересмотрел собственные взгляды на японские традиции. Рост национального самосознания писателя пробуждается в романе «О вкусах не спорят», в котором нашла отражение как личная драма писателя – сложные отношения с его первой женой Тиёко – так и потеря интереса к западной эстетике.

5. Образы добродетельных женщин с конца 1920-х гг. – верных жен и мудрых матерей, востребованных милитаристским режимом – конструируются с оглядкой на труды неоконфуцианского философа Кайбары Экикэна.

6. Формирование представлений об идеальной женщине в серии произведений Танидзаки 1920–1930-х гг. не просто поиски собственных эстетических идеалов писателем, а попытка отобразить и зафиксировать сложные процессы, порождавшие тревогу в современном ему обществе: рост националистических настроений, определение собственной идентичности и переосмысление взглядов на традиционную культуру.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она заполняет пробелы в изучении творческой мысли Танидзаки. Женские образы в наследии писателя позволяют не только по-новому взглянуть на художественные миры литератора, но и проанализировать значимые процессы, происходившие в японской культуре на рубеже эпох, а также осмыслить возможное предназначение творчества Танидзаки в целом. Представляется немаловажным и то, что проведённый комплексный анализ женских ликов писателя может быть использован для дальнейшего разностороннего изучения женских образов в японской литературе и культуре.

Практическая ценность научной работы. Материалы исследования могут быть использованы для изучения и осмысления процессов культурной интеграции, понимания исторического и литературного процесса в Японии периодов Тайсё (大正, 1912–1926) и Сёва (昭和, 1926–1989); разработке новых актуальных проблем современных социальных и гуманитарных наук. Результаты исследования могут быть применены для развития лекций и спецкурсов по японской культуре, истории, литературе и истории литератур Дальнего Востока с целью расширенной подготовки специалистов по направлению «Япония».

Степень достоверности и апробация основных положений работы

Основные положения диссертации были представлены на международных научных и научно-практических конференциях, научных семинарах (ИМЛИ РАН, НИУ ВШЭ, СПбГУ). Результаты исследования опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, входящих в базы данных ВАК и WoS.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка (199 позиций) и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дается общая характеристика научной работы, проводится обзор исследований по теме диссертации, очерчиваются хронологические

рамки, определяются объект и предмет исследования, материал, цели, задачи, обосновывается актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются теоретическая и методологическая база, основные положения, выносимые на защиту, содержится апробация результатов.

Глава 1. «Специфика образов идеальных женщин в японской словесности второй половины XIX – начала XX веков» посвящена выявлению специфики эпохи Мэйдзи (明治時代, 1868–1912), в рамках которой началось формирование нового женского образа в японской литературе и культуре в целом; «женского вопроса» в японской словесности второй половины XIX – начала XX вв.; образов идеальных японок писателя Танидзаки, которые активно стали конструироваться в период демократии Тайсё и в которых отражены как телесные поиски нации, поиск собственной идентичности в «новом» мире, так и сложные идейные и эстетические искания, динамика изменения роли женщины в обществе.

В параграфе 1.1. «Социально-историческая ситуация в Японии на рубеже эпох» рассматривается литературная ситуация в период Мэйдзи – один из знаковых этапов в развитии, эволюции японской словесности, культуры и общества. В эту эпоху формируется японская нация, происходят изменения социальных и интеллектуальных факторов, Япония знакомится с западными образцами современной мысли, что приводит к зарождению как национального самосознания, так и новой литературы.

В параграфе 1.2. «Женский вопрос» в японской словесности второй половины XIX – начала XX веков» рассматривается изменение восприятия образа женщины в новую эпоху: положение женщины начало отождествляться с уровнем развитости нации. В трудах литераторов и философов формируются новые лики с ориентацией на Запад, происходит попытка пересмотреть роль женщины в японской культуре, так как именно женщина может воспитать новую нацию, способную встать в один ряд с западными. В этом параграфе также рассматривается то, как изменяется типология женских ликов в японской словесности.

В параграфе 1.3. «Символика женских образов в текстах Танидзаки Дзюньитиро» определяется понятие «художественный образ»: Танидзаки наделяет «образ женщины» символической функцией. Символизм является уникальным языком Танидзаки, благодаря которому он создал целую эпоху в литературе. Каждая трактовка женского образа в произведениях Танидзаки несла в себе архетипический и символический смысл, предлагала его идеализированное восприятие. Отмечается, что символизм писателя не порывает с натурализмом, который имел большое влияние в начале XX в. в

Японии. Символизм Танидзаки сдвигает моральные нормы японского общества, покушается на них, стремится к сексуальной революции.

Глава 2 «Запад в творчестве писателя Танидзаки Дзюньитиро: особенности женских образов в художественных текстах 1920–1926 гг.» посвящена периоду взаимодействия Танидзаки с голливудским кинематографом, этапу жизни в г. Йокогама, сотрудничеству с кинокомпанией «Тайсё кацуэй». Вводятся в научный оборот знаковые произведения писателя: «Настоящее и будущее кино», рассказ «Голубой цветок», повесть «Аве Мария» и автобиографическое сочинение «Жители портового города», в которых нашли отражение модернистские взгляды литератора. Отмечается, что опыт сценариста позволил Танидзаки вербализировать в прозе такие визуальные приемы кинематографа, как ассоциативно-образный и параллельный монтаж, эффект движения камеры, крупные планы, игру света и тени.

Параграф 2.1. «Специфика японской культуры начала XX века» представляет собой краткое описание того, как в среде японской интеллигенции и литераторов пробуждается интерес к модернизму в конце периода Мэйдзи – начале периода Тайсё. Танидзаки крайне ясно выразил свое отношение к современным техническим возможностям киноискусства, его влиянию на словесность. В этом параграфе также поднимается вопрос неизжитой приверженности традициям и консервации церемониальной культуры – в литературе это выразилось в творчестве писателей, реинкарнировавших проблематику традиционной премодернистской литературы.

В параграфе 2.2. «Фридрих Ницше и переосмысление роли конфуцианской морали писателем Танидзаки Дзюньитиро» анализируется эссе писателя «Словесность и морализм», которое проливает свет на его ранее творчество. Взаимодействие с ницшеанскими идеями привело Танидзаки к мысли о необходимости разрушения старой морали – он высказался по поводу того, что человеку чужда мораль, ее предписания противоречат человеческой природе. Взаимодействие с философской мыслью Ф. Ницше и даосского мыслителя, жившего в Китае в III–IV в. до н.э. Чжуан-цзы побуждают его прийти к мысли, что диктат (конфуцианской) морали должен быть остановлен – борьба с морализмом осознается литератором как правильный способ бытия в мире.

Параграф 2.3. «Психиатрия, искусство и Танидзаки Дзюньитиро» посвящен распространению новомодной «болезни» «синкэй суйдзяку» (神經衰弱, нервное истощение) среди японской творческой элиты XX в., частью которой был писатель Танидзаки, чей художественный образ «болезненного гения» сформировался под непосредственным влиянием психиатра Сугита

Наоки (杉田直樹, 1887–1949), трудов Р. Крафт-Эбинга (1840–1902) и Отто Вейнингера (1880–1903). Прочная причинно-следственная связь между психикой и творчеством была обусловлена тем, что произведения европейской классики проникали в Японию одновременно с биографиями их авторов. Это формировало веру в зависимость произведений, скажем, Ф.М. Достоевского или Г. де Мопассана от их «болезненности», благодаря чему «недуги» литераторов были актуализированы в Японии первой половины XX в., став ключевым элементом амплуа «современного» писателя. Широко распространившиеся идеи противопоставлялись неоконфуцианской мысли прошедшей эпохи – гениальность уже зависела не от образованности, но от психических патологий, якобы дарующих их обладателям особое чутье и талант. Труды европейских философов, психиатров, биографии литераторов XIX в., позволили «новым» японским художникам создать для себя привилегированное положение на развивающемся рынке массовой культуры. «Синкэй суйдзюку» стало маркером того, что интеллигент испытывает на себе всю тяжесть современной цивилизации, находится на передовом крае процесса модернизации. Образ болезненного гения-мазохиста, сконструированный Танидзаки, лег в основу практически всех его произведений.

В параграфе 2.4. «Генезис женских ликов в творчестве Танидзаки Дзюньитиро» поднимается вопрос конструирования писателем новой идентичности для японской женщины. Отмечается, что Танидзаки стал первым по-настоящему духовно свободным японским художником, осмелившимся осуждать моральные общественные устои, сформированные конфуцианством, повествовать в своем творчестве о прогрессе, модернизации тела женщины и ее сознания, о сексуальных девиациях, покушаясь на образ японки, выступавший носителем культурного кода нации, изменять который запрещали негласные правила.

В параграфе 2.5. «Роль кинематографа в развитии творческой мысли Танидзаки Дзюньитиро» основное внимание уделяется эссе «Настоящее и будущее кино», опубликованному в 1917 г. Это произведение отражает мировоззрение писателя с середины 1910-х гг. Танидзаки ставит киноискусство над прочими видами искусств, что отражается на творчестве писателя – создается серия произведений, в которых наблюдается киноречь. В них вводится эффект движения камеры, который станет основным повествовательным приемом – описание миров, созданных автором, событий, происходящих в них, передаётся через восприятие одного героя, глаза которого, словно объективы кинокамеры, фиксируют игру «актеров» первого и второго планов, свет и тень. Замечу, что писатель активно пользуется глаголами «видения», которые преобладают над всеми остальными типами глаголов.

Параграф 2.6. «Произведения периода “Йокогама” (1920–1923/26): поэтика женских образов» охватывает годы жизни писателя в Йокогаме, его взаимодействие с этим городом – городом ретранслятором западной культуры в Японии. Именно этому «Западу» писатель в своих зрелых работах противопоставляет традиционную Японию. В этом пространстве появляются произведения, которые обозначаются как сочинения периода «Йокогама» – они повествуют о красоте женского тела нового времени, тела «европейского», столь желанного для многих современников писателя. Именно в этот период Танидзаки становится сторонником идеи о том, что подобное тело способно появиться лишь в особом западном пространстве, месте, дарующем возможность соприкоснуться с иноземной красотой: яркой, светозарной и неприкрытой. В этом параграфе также отмечается, какие поэтические и стилистические приемы использует автор для создания женских образов. В портрете отсутствует детальное описание, важными являются такие средства, как сравнения, семантика запаха и звука, описание туалета и поведенческих норм. В произведениях периода Йокогама писатель стремится найти свой женский идеал. В них кроется попытка создать формулу, следуя которой, в кратчайшие сроки удастся достичь телесных трансформаций. В каждом произведении Танидзаки актуализирует тему «телесности».

Параграф 2.7. «Рождение «новой женщины» в рассказе «Голубой цветок», художественные особенности прозы Танидзаки Дзюньитиро» посвящен первой попытке писателя воздействовать на реальность, трансформировать японскую женщину. Рассказ «Голубой цветок» определяется как произведение, ориентированное на женскую аудиторию. Основным посылом сочинения является возможность преображения японской женщины в женщину европейскую (тела неидеального, по мнению писателя, в идеальное). Будучи адептом идеи о том, что японская женщина в своем эволюционном развитии находится на ступень ниже европейской, Танидзаки принялся за исправление этого, как ему казалось, «эволюционного отставания». Произведение должно было найти отклик у женской части аудитории, даровать японской женщине, испытывающей комплекс телесной неполноценности, надежду на то, что преобразование пространства и западные атрибуты способны видоизменить ее. Если в трудах 1910-х гг. Танидзаки довольно часто играл с читателем путем кодирования, утайки многих смыслов, то уже с 1920-х гг. авторская игра кардинально меняется – происходит демифологизация, отход от бесконечного вуалирования авторитетных для писателя идей путем разыгрывания их в полумифическом прошлом. Следствием «игры» писателя является последовательное разрушение старых мифов, укоренившихся в японской литературе и обществе: неоконфуцианских о добродетельных дочерях

и старой морали, о неспособности японской женщины к модернизации и т.д. В текстах писателя также появляется «дидактический элемент» – как женщинам следует вести себя, что делать, чтобы изменить свое тело, нравиться мужчинам.

Параграф 2.8. «Образ Наоми как воплощение идеальной женщины первой половины творческой жизни Танидзаки Дзюньитиро» посвящен роману «Любовь глупца» – кульминации эстетических переживаний первой половины творческой жизни писателя. В этом произведении был создан лик Наоми, ставший прообразом японской женщины нового времени. Писался этот образ с оглядкой на скандальных голливудских актрис, привлекавших Танидзаки «садистскими» ролями – ролями соблазнительных и роковых женщин. Танидзаки изображает свою Наоми (современную японку) как своего рода «наследницу» исполнительниц роковых ролей в голливудском кино. Образ Наоми объединил в себе две одержимости Танидзаки: садомазохистские наклонности и любовь к расово иной женщине. В романе непрямо упоминается и знаменитая кинокартина режиссера Герберта Бренона (1880–1958) «Дочь Нептуна» (*Neptune's Daughter*, 1914). Название же романа является отсылкой к киноленте «Жил-был дурак» (*A Fool There Was*, 1915) режиссера Фрэнка Пауэлла. Таким образом, в творчестве писателя первой половины 1920-х гг. конструировались модернизированные женские образы, создавались гендерные сюжеты с ориентацией на западную популярную культуру.

В главе 3. «Восток в творчестве писателя Танидзаки Дзюньитиро: возвращение в лоно традиционной японской культуры (1928–1930-х гг.)» анализируются женские лики в произведениях Танидзаки в контексте японской культуры 1928–1930-х гг. Образ покорной и безликой женщины становится востребован эпохой, появляется под непосредственным влиянием популярных трактатов «Правила воспитания детей по-японски» (和俗童子訓, 1711) и «Великое учение для женщин» (女大学, ок. 1711–1714) неоконфуцианского ученого конца XVII в. Кайбары. В этой главе рассматриваются два значимых произведения писателя – роман «О вкусах не спорят» и эссе «Любовь и сладострастие», которые можно назвать рубежными, ибо они маркируют переход от «раннего» творчества – увлеченности Западом – к «позднему», когда литератор пересмотрел свои эстетические взгляды, когда вся страна находилась на распутье в поисках собственной идентичности.

Параграф 3.1. «“Культура поворота”: возвращение к традициям» посвящен социально-исторической ситуации в Японии второй половины 1920-х гг. – росту националистических, шовинистических настроений, усилению цензуры – серьезным образом повлиявшей не только на словесность, но и культуру в целом. Интеллигенция отказывалась от собственных убеждений, возвращались к традиции. Переосмыслению подвергались правильность пути

развития по западному образцу, ориентация на западную литературу. В 1935 г. писатель и литературный критик Ясуда Ёдзуро (保田与重郎, 1910–1981) основал журнал «*Нихон ро:ман ха*» (日本浪漫派 «Школа японского романтизма»), который стал площадкой для критики современности и почитания японской литературы, вернувшейся к традиции. В этом параграфе также рассматривается одно из главных событий 1920-х гг., запустивших механизм «поворота» – Великое землетрясение Канто, которое расценивалось многими литераторами как дарованная возможность избавиться от эгоцентричности и аморального образа жизни, способствовавшего упадку японской нации. Танидзаки находит свое место в общем потоке, предложив государству новую-старую эстетическую идеологию: литератор пишет серию «манифестов» о разнице эстетических установок между Западом и Востоком. У этих трудов было практическое назначение – избавить японскую нацию от комплекса неполноценности, культурного низкопоклонства. Изначальное увлечение и восхищение иноземными культурами переросло в японском обществе в негодование, привело к поискам собственной идентичности.

Параграф 3.2. «Рост национального самосознания Танидзаки Дзюнъитиро в романе “О вкусах не спорят”: специфика женских образов» посвящен взглядам писателя Танидзаки на японскую эстетику через образы идеальных женщин в знаковом для литератора произведении «О вкусах не спорят». Этот роман является рубежным, ибо маркирует переход от «раннего творчества», когда писатель восхищался западной культурой, а идеалом для него была «новая японка», следовавшая веяниям западной моды, к «позднему», когда национальная самоидентификация вышла для него на передний план. Осознав, что тот родной, уникальный мир, в котором он прожил всю свою жизнь, может исчезнуть, Танидзаки влился в дискурс того времени со своими представлениями о прекрасном. Он использовал литературу как инструмент для их распространения, для формирования национальных идей. В романе «О вкусах не спорят» нашла отражение как личная драма писателя – сложные отношения с его первой женой Тиёко, так и первая попытка продемонстрировать потерю интереса к западной эстетике через охлаждение главного героя к собственной жене – приверженке западных взглядов на жизнь. В 1931 г. в эссе «Любовь и сладострастие», в котором писатель призвал японцев пересмотреть свои взгляды на традиционное мирозерцание, он недвусмысленно заявил, что описывал в романе «О вкусах не спорят» собственные представления, свой новый женский идеал – «женщину-куклу», прообразом которой является идеальная красавица прошлого.

Параграф 3.3. «Эссе “Любовь и сладострастие” – “манифест” Танидзаки Дзюнъитиро о различии эстетических установок между Западом

и Востоком» на материале эссе «Любовь и сладострастие» раскрывает изменившиеся в конце 1920-х гг. представления Танидзаки о прекрасном. Оно публиковалось частями в женском журнале *Фудзин ко:рон* (婦人公論) с апреля по июнь 1931 г. и явилось своего рода манифестом писателя о различии эстетических представлений Запада и Востока. Целью его было избавление японских женщин от комплекса телесной неполноценности, привычки копировать манеры западных женщин и сравнивать себя с ними. Танидзаки полагал, что в отношении японских женщин должны действовать иные правила: он ввёл новые параметры оценки их красоты, такие, как гладкость кожи, её цвет и особая чувственность (色気). Писатель направил усилия на преодоление комплекса женской телесной неполноценности; он считал, что японская женщина имеет ряд существенных преимуществ перед европейской. Первый перевод эссе на русский язык, выполненный автором диссертационного исследования, также представлен в данной работе (см. Приложение. С. 205–246).

Параграф 3.4. «Влияние неоконфуцианской мысли Кайбары Экикэна на созданные Танидзаки Дзюньитиро образы добродетельных женщин» посвящен негласным конфуцианским принципам, выдвинутым на передний план в конце 1920-х гг., влиянию текстов неоконфуцианского ученого конца XVII в. Кайбары на творческую элиту. Новое время стало требовать появления нового человека – человека верного и не сомневающегося в своем «господине»: для женщины «господином» являлся муж, верность и служение которому, как никогда ранее, вышли на передний план. Именно в этот момент строгая иерархия, введенная в начале XVII века военным режимом Токугава и условно ликвидированная в последующий период, заиграла новыми красками. Танидзаки, родившийся в эпоху перемен, очень тонко чувствовал потребности эпохи, и несмотря на демократизацию общества в предшествующий этому период Тайсё, несмотря на свою любовь к девиантному – женщине-садистке – осознавал, что связь японской женщины с учениями Кайбары никогда не прекращалась. Таким образом писатель включился в дискурс поиска верного человека, востребованного эпохой, направив свои усилия на конструирование в своих текстах нового архетипа японской женщины – женщины, чтящей обычаи прошлого.

Параграф 3.5. «Структура образа добродетельной женщины Кайбары Экикэна в текстах Танидзаки Дзюньитиро» посвящен текстам Кайбары «Правила воспитания детей по-японски» и «Великое учение для женщин». Неоконфуцианскому ученому удалось создать механизм воспитания женщин, который крайне удачно встроился в иерархическую систему периода Токугава – она должна быть безликой, а ее красота заключается в умении служить и

выказывать дочернюю почтительность. Кайбара Экикэн не наделяет женщину эмоциями, она должна быть смиренной, вежливой и не иметь собственного “Я”. Добродетельная женщина, конструированием которой занимался Кайбара Экикэн, заняла особое место в творчестве Танидзаки, когда во всей японской культуре наблюдалась тенденция «возврата к истокам» собственной культуры – писатель принялся за освещение японских особенностей, целенаправленно акцентируя внимание на инаковости японской женщины, ее крепкой связи с конфуцианским прошлым, тем самым отрицая необходимость изменений, борьбы за гендерное равноправие. Подобная литература должна была помочь зародить в массовом сознании настроения, ориентированные на противопоставление Японии Западу. Словесность, обращенная в прошлое, по удачному стечению обстоятельств хорошо вписалась в продвигаемую режимом политику устранения негативных последствий западного влияния.

В Заключение содержатся основные выводы и подводятся итоги диссертационного исследования.

Проведенное исследование, посвященное образам идеальных женщин в творчестве крупнейшего японского писателя XX в. Танидзаки, позволяет говорить о двух последовательно сменяющих друг друга женских ликах, в которых представлена проблематика, волновавшая японское общество 1920–1930-х гг. В трудах обозначенного периода у писателя отчетливо отражаются сложные искания времени – изначальные попытки преобразовать себя, стать европейцами, в конечном счете приведшие японское общество к поиску собственной идентичности, всплеску националистической риторики, возврату к традициям.

Благодаря глубокому анализу историко-культурного фона, эстетическому, социокультурному и аналитическому подходам к пониманию идеи «образа идеальной женщины» в творчестве Танидзаки, удалось выявить новые особенности «женских ликов» в произведениях писателя: культуuroобразующие и эстетические.

На базе исторического и аналитического подходов к изучению источников было обосновано, что сконструированные писателем в 1920–1930-е гг. женские образы аккумулируют в себе сложную систему мировоззренческих стандартов и культурной идентичности японской нации, сформировавшуюся в определенный момент исторического развития под влиянием внешних и внутренних факторов.

Замечу, что анализ женских образов в творчестве писателя, с одной стороны, предполагает использование биографического метода – поиск причин обращения именно к такому способу отображения действительности, а с другой – применение аналитического подхода к изучению того, как эти образы были

воплощены в литературных текстах Танидзаки. В результате было установлено, что творческая жизнь писателя перекликается с его биографией – тексты обозначенного в исследовании периода являются автобиографичными. Когда писатель был включен в процесс конструирования новой идентичности для современной японской женщины, образы модернизированных женщин списывались с возлюбленной писателя, актрисы Вадзимы Сэйко (Хаяма Митико, 1902–1996) и исполнительниц роковых ролей в голливудском кино Биби Даниелс (1901–1971), Глории Свенсон (1899–1983), Теды Бара (1885–1955), Джеральдины Фаррар (1882–1967) и др. Название романа «Любовь глупца» является отсылкой к киноленте «Жил-был дурак» (*A Fool There Was*, 1915).

Анализ исторического фона говорит и о том, что появление нового архетипа японской женщины в литературных текстах писателя также было связано с запросом японского общества, которым овладел комплекс телесной неполноценности, затронувший традиционные представления о женской красоте: женщины перестали чернить зубы, начали стесняться своего тела, жёлтого цвета своей кожи, стали одеваться по западной моде, копировать поведение европейских женщин, всё больше пытаясь походить на них. Подчеркну, что литератор не просто стал популяризатором нового лика, а создал образ самой известной «*модан га:ру*» Наоми. Образ Наоми – главной героини романа Танидзаки «Любовь глупца» – стал столь узнаваем, что термин «Наомизм» (ナオミズム) начал широко употребляться для обозначения японок, мимикрирующих под западных женщин. Соответственно, образ, созданный писателем, проник в ткань японской культуры, влияя на действительность.

Исследование ранних произведений и эпистолярного наследия Танидзаки раскрывает причины появления в его творчестве вечного образа-мотива «женщины-садистки», место и значение этого образа в его эстетико-философских воззрениях. Во-первых, маргинализированные женские образы формируются под влиянием преломленных восприятием писателя идей Ф. Ницше, которые превращают произведения Танидзаки в инструмент уничтожения общественных моральных норм. Результатом этого процесса, с точки зрения автора, должно было стать преображение японской нации в одну из западных. Мысль немецкого философа, посвященная уничтожению старой морали ради «эволюции», позволила Танидзаки стать первым по-настоящему духовно свободным японским художником, осмелившимся осуждать моральные общественные устои, повествовать о прогрессе, модернизации как тела женщины, так и ее сознания, покушаясь на образ японки, выступавший носителем культурного кода нации, изменять который запрещали негласные правила; влиять на реальность посредством своих трудов, одновременно

затрагивая главную проблему того времени – поиск собственной идентичности и места нации в современном мире.

Во-вторых, актуализация среди японских литераторов первой половины XX в. новомодной болезни «*синкэй суйдзюку*» (нервное истощение) привела к тому, что ключевым элементом амплуа «современного» писателя стала его «болезненность». Гениальность напрямую связывали с психическими патологиями, якобы дарующими их обладателям особое чутье, талант, который никак не связан с образованием. Труды европейских философов, психиатров, биографии литераторов XIX в. позволили «новым» японским художникам создать для себя привилегированные условия на развивающемся рынке массовой культуры. Писатель Танидзаки посредством обращения к медицинской теории О. Вейнингера о гендерной дифференциации (о том, что не существует идеальной женщины и идеального мужчины), к анализу психопатологических особенностей, описанных Р. Крафт-Эбингом, а также к биографиям западных литераторов, создает концепцию болезненного эстета-мазохиста, бросившегося на поиски женского идеала или пытающегося создать свою собственную его версию.

Анализ ряда исторических событий, биографии и эссе писателя позволил установить причины изменения как эстетико-философских воззрений, так и женских образов Танидзаки после 1928 г. Эволюция исканий литератора главным образом обуславливалась изменениями, произошедшими в духовной жизни Японии: после Великого землетрясения Канто 1923 г., полностью уничтожившего столичный регион, многие деятели культуры стали иначе смотреть на безвозвратно утраченное прошлое; актуализировалась тенденция «возврата к истокам», наметился общий культурный разворот в ходе подъема националистической риторики в обществе и милитаризации страны. Танидзаки с его поисками женской красоты великолепно вписался в новый дискурс, откликнувшись на запрос общества, уставшего от комплекса неполноценности, который испытывала Япония по отношению к Западу в течение длительного времени.

Лик традиционной, покорной женщины рождается в творчестве писателя под непосредственным влиянием трудов неоконфуцианского ученого периода Токугава Кайбары, имя которого впервые звучит в романе «О вкусах не спорят» (1928) и эссе «Любовь и сладострастие» (1931). Произведения можно назвать рубежными, ибо они маркируют переход писателя от раннего творчества к позднему, когда Танидзаки пересмотрел собственные взгляды на традиционную японскую культуру. В эссе «Любовь и сладострастие» писатель попытался развеять миф о телесной неполноценности японских женщин, сумел найти для них такие физиологические параметры как «*ирокуэ*» (скрытое

очарование), гладкость кожи и её цвет, которые позволяли им переживать свою телесность в позитивном ключе. Творчество писателя 1930-х гг. внесло значительный вклад в дискурс своего времени (эстетический) и открыло возможность обсуждать проблему женской телесности с благоприятной для японки точки зрения.

Наконец, анализ послевоенного наследия Танидзаки дает все основания предположить, что писатель не по своей воле создавал образы покорных женщин, пытаясь выжить в условиях национального государства, так как вскоре после окончания Второй мировой войны он отошел от правил конфуцианской морали, вновь обратившись к столь любимым им эротическим образам. Послевоенный лик японской женщины, созданный Танидзаки, вписывается в общую картину его творчества, главным мотивом которого был поиск женщины-садистки, однако «старая Япония» сохраняется в творчестве писателя лишь в виде декораций, без «подпитки» традиционными философско-культурными воззрениями – героини романов не наделены ни дочерней почтительностью, ни кротким нравом, и при этом не обделены собственным «Я».

Вероятно, обращение к неоконфуцианской философии Кайбары было связано как с попыткой писателя защитить себя от национального государства, так и со стремлением вернуть утраченное прошлое, ностальгические воспоминания о котором прослеживаются на протяжении всего творчества Танидзаки, начиная с 1928 г. Замечу также, что, сразу после краха милитаристского режима, востребованный эпохой образ покорной женщины и эстетические категории, введенные писателем в японский дискурс 1930-х гг., были им отринуты – Танидзаки вернулся к своему излюбленному литературному мотиву – образу «*femme fatale*».

Все сказанное позволяет утверждать, что творчество писателя периода меж двух мировых войн являлось актуальным – творчеством «на повестке дня». В художественных и эссеистических текстах Танидзаки представлена проблематика, которая тревожила японское общество 1920–1930-х гг., а динамика эстетических взглядов писателя отражает сложные идейные искания времени, в которое ему пришлось жить.

Проведенное исследование позволило продемонстрировать развитие японского национального самосознания в творчестве Танидзаки в период, когда литература стала инструментом для формирования и распространения национальных идей. Удалось показать, что писатель избежал вторичности, создавая востребованные обществом образы. Новые архетипы женщин не просто отражали потребность общества в их появлении, но и влияли на действительность, видоизменяя ее. Достаточно широкий историко-культурный

контекст дает современным исследователям возможность более объективной оценки творчества 1920-х–1930-х гг. одного из крупнейших японских литераторов XX в. Танидзаки.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК Минобрнауки РФ:

1. Селимов М.Г. Влияние неоконфуцианских взглядов Кайбары Экикэна на творчество Танидзаки Дзюньитиро // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 4. – С. 124–134.

2. Селимов М.Г. Роль кинематографа в развитии творческой мысли японского писателя Танидзаки Дзюньитиро // *Litera*. – 2022. – № 8. – С. 196–203.

3. Селимов М.Г. Переосмысление конфуцианской морали в японском обществе XX в. писателем Танидзаки Дзюньитиро (на материале эссе «Словесность и морализм») // Новый филологический вестник. – 2022. – № 3 (62). – С. 346–356.

Публикации в других изданиях:

1. Селимов М.Г. Женская красота в трактовке писателя Танидзаки Дзюньитиро на материале эссе «Любовь и сладострастие» // История и культура Японии. Вып. 12 / Сост. и отв. ред. А. Н. Мещеряков. – М.: ИД НИУ ВШЭ, 2020. – С. 215–243.

2. Селимов М.Г. Идеал женщины в творчестве Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965). Переосмысление взглядов на национальную культуру // Японские исследования. – 2020. № 3. – С. 6–20.

3. Селимов М.Г. Образ идеальной женщины в произведении Танидзаки Дзюньитиро «Голубой цветок» // Труды 9-й Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока». – СПб.: СПбГУ, 2021. – Т. 1. – С. 585–594.

4. Селимов М.Г. «Нервное истощение» (*синкэй суйдзюку*) и писатель Танидзаки Дзюньитиро // Ежегодник Япония. – 2022. – Т. 51. – С. 252–265.